

Вера Ломакина Иван и Полина

Иван и Полина, Полина – Иван...

Любовь, уходящая в вечность,
Судьба написала им страстный роман,
Где встреч и разлук бесконечность,

Где сердце пронзала то радость, то боль,
А жизнь – путь надежд и страданий,
Где эхом сквозь время «Любовь», как пароль
И отзвук нежнейших признаний.

В романсах и письмах, романах, стихах
То пела, то плакала скрипка.
С горчинкой нектар – поцелуй на губах,
Француженки милой улыбка.

Спешил он к возлюбленной, страстью томим,
Париж – Куртавнель – Баден-Баден,
На небе все звёзды светили лишь им,
И встреча была как награда.

Там разум и чувства вступали в борьбу;
Чужая жена – треугольник!
Писатель нигде не роптал на судьбу,
Любви был всегда он невольник.

Другими не раз увлекался, но всё ж
Лишь жгучие очи Полины
Светили ему через сотни порош,
Сквозь бури, дожди и стремнины.

И смерть не могла ту любовь погасить.
В ночи воссияло созвездье
«Иван и Полина», не прервана нить,
«Синица» летит в поднебесье.

Павел Рязанцев Полина и Иван

Ты прекрасна, как поля Орловской губернии,
Величава, как лес в летнем плену.
Это всё отражается в ангельском пении,
От которого я отойти не могу.
И твой голос, поверь, воистину ангельский,
Как бирюза небесных высот.
И пусть мой вклад будет маленький,
В это царство гармонии, что выткан из нот.
Ты, как музыка, что от рояля исходит,
Словно пение птиц и журчание вод.
И что-то внутри меня происходит,
Ощущенье, как в детстве, каких-то свобод.
Как французская чувственность русского слова,
Так природа, как музыка доброй души.
Мы полюбим друг друга, не зная другого.
Не изменим себе, не изменим другим.
Словно дуб молодой плоть могучего стана,
Прикрывает душой, добротой тебя,
Ну а ты, как рояль, всё живёшь безуданно,
Заставляешь слухам мир созерцать.
И познав глубину русского слова,
Как познал пенье французских муз.
Словно капля воды, освежает и снова.
Поражает сердце этот союз.
Пенье полей, буква симфоний,
Словно взгляды совпали во всём,
И, приоткрыв для себя те гармонии,
Людям другим дарим её.

Анатолий Иванов
Играет ветер ласково листвою

Играет ветер ласково листвою,
Разносит щебетание пичуг,
И – чудо, будто бы опять с тобою
Тургенев разговаривает вдруг.

Он в шляпе, сапогах прошёл
Сквозь время,
Природы друг, читателей кумир,
И серебристо взмыленное темя
Нам открывает весь Полесья мир.

Пришёл и встал под великаном
Дубом
Писателей России великан,
И зашумели ветви дуба любо
Родной и величайшей в мире стран.

Потом притихли, снова зашумели,
Волшебное искусство не отнять,
И вы бы так сейчас мечтать сумели б,
Когда бы научились долго ждать.

Анатолий Карасев И. С. Тургеневу

Поборник правды и свободы.
Всегда Россией дорожил.
Любил он русскую природу.
С ружьём в погоду-непogоду
Леса и степи исходил.

Своей строкой неповторимой
(А это делать он умел)
Наш край спокойный,
Соловьиный,
Безмерно автором любимый,
Как есть, талантливо воспел.

В его рассказах всем на диво
Природа девственно чиста.
Встают воочью,
Ярко,
Зримо,
Неподражаемо красиво
Всем нам знакомые места:

Орловских далей километры
И ширь полей,
И рек разлёт,
И парк старинный
В стиле ретро...

А сам Тургенев близко где-то,
Вот-вот навстречу к нам придёт.

Вера Орлова

Ностальгия

На северо-восток летели птицы,
Он их, вздыхая, взглядом провожал,
И там, в своей далёкой загранице,
Орловщину родную вспоминал.

Россия далеко, а он во власти
Таинственного шарма Виардо...
Не обрести ему простого счастья,
Не свить своё надёжное гнездо.

Покоя не давала ностальгия.
Не в силах справиться с тоскою сам,
Писал он письма долгие в Россию
Надёжным и проверенным друзьям.

Он знал, что в дружбе радости истоки,
Душе опора, творчество... И вновь
На белый, чистый лист ложились строки,
А в них печаль и к Родине любовь.

«Есть место притяженья во Вселенной,
Манит меня уже который год,
Там надо мне увидеть непременно,
Как луч рассветный в травы упадёт.

И как роса на липах серебрится,
И как туман клубится над Окой,
Заря, раскинув крылья, как Жар-птица,
Одаривает Землю красотой.

Лесные тропы, где бродил когда-то...
Где б ни был я, но в сердце берегу
Орловские рассветы и закаты,
Ночной костёр на Бежином лугу.

Туда душа усталая стремится,
Запомнив, как однажды повезло
Там повстречать приветливые лица,
Дарящие сердечное тепло.

Речь русскую не жалуют в Париже,
Язык мой кто-то варварским назвал!
О! Как хочу туда, где звёзды ближе,
Где Спасское родное, мой причал!»

Он тосковал, но не спешил обратно,
Любовь ему досталась не проста,
И в письмах, и в стихах неоднократно
Звучал мотив несвитого гнезда.

Ах, Родина! Дворянское гнездо!
Но выбора ему не оставляли
И шанса на свободу не давали
Загадочные чары Виардо!

Алла Мошкарина Приметы осени

Небо хмурится немного,
Скоро будет дождь грибной.
Собираемся в дорогу
За грибами в выходной.
Как всегда, привычны сборы:
Куртка, сапоги, рюкзак,
И спокойны разговоры,
И неспешный дружный шаг.
Вышли в Думчино. Толпою.
Кто налево, там лесок,
Мы же тайною тропой –
На чудесный «островок».
Через поле без тропинки
По росе вдвоём брели,
Привлекал нас, как картинка,
Островок тот, что вдали.
Здесь расщедрилась природа
На осинки и дубки...
И водили хороводы
Долгожданные грибки.
Там деревья молодые
Разбежались, как в игре,
Блёстки в травах золотые
Засверкали на заре.
А грибочки молодые:
Подосинник, боровик,
Подберёзовик – любые,
Собирай, трудись, грибник!
...Как теперь ты поживаешь,
Наш заветный «островок»?
Так ли щедро угощаешь
Иль стареешь, наш дружок?
Снова с мужем в электричке,
Как и двадцать лет назад.
В окна смотрим по привычке –

Листья золотом горят.
Восхитительна природа!
Может здесь Тургенев был?
Мценские места... Охота.
С ружьем сюда ходил?
Жаль, уже не стало тайной
Той тропинки полевой.
Заросла она бурьяном
Да чертополох-травой.
Удивляемся картине,
Мы её не узнаём:
Здесь деревьев нет в помине –
Только пни да бурелом.
Неглубокая канава,
Дальше – грязный водоём.
Ров налево и направо
Да большая свалка в нём.
Кто бы тут не огорчился?
Боль в душе, и в горле – ком...
Кто же так распорядился
Нашим светлым «островком»?
Не жалеет ли природу
И её не бережём.
Не понять никак народу,
Что Земля – наш общий дом!
Машет нам рукою лето,
Иней на висках уже...
Это осени приметы
И в природе, и в душе.

Николай Гришанов Дворянское гнездо

Роман прочитан от и до,
Знакомые места видны,
Иду в Дворянское гнездо
Увидеть прошлого следы.

Гнездо Дворянское стоит,
Здесь многое пошло на слом,
Но память прошлого хранит
Любой оставшийся здесь дом.

Вот дом Калитиных поник,
Состарился и обветшал...
Он, как пенсионер-старик,
Кому-то много лет мешал.

Но не решались дом снести –
Как можно прошлое забыть?
Глухим забором обнесли,
Все окна досками забив.

Здесь память прошлого жива,
Сад старый не ухожен, гол.
В нём Лиза-девушка была.
Я слышу звук её шагов.

Вот рядом дом, где жил Лесков,
Писатель русский, наш земляк.
Он с Лизой, может, был знаком,
Когда по улице гулял.

Иду к беседке на обрыв,
Чтобы взглянуть из-под руки,
Что нам осталось с той поры
Помимо Орлика-реки?
Пушкарных улиц вижу две.

Машин больших не слышен гул.
Смотрю: Андреевский музей
В садах Пушкарных утонул.

Церквушка старая вдали –
Малоархангельский собор.
Сусальным золотом горит,
Невольно привлекая взор.

Купцов, дворян – сословий нет.
Изжиты временем они,
Но память прошлого хранят
Романа будничные дни.

Роман прочтите до конца,
И, если тронет боль,
Пройдись по улицам Орла...
Там встретишь Лизу и любовь.

Раиса Морозова Спасское

Земли Орловской милый уголок,
На сотни вёрст раскинулась Россия!
Здесь воздух, как живой воды глоток,
А небо цвета незабудок синих.

Медовый Спас, да с липовым медком,
Вслед Яблочный, малиновкою рдеет.
Жасмина куст, согретый соловьём,
Былинка малая, но сердце греет.

Как на ладони истины тетрадь,
Раскрытый лист, он подороже злата.
Не каждому даёт природа мать
Познать язык деревьев, рыб, пернатых.

Объято Спасское коротким сном,
В беседке Рудина мелькают тени.
Столпились сосны над резным окном,
И вспоминают, как рождался гений.

На ранней зорьке в песне ветерка
Звучал романс волнующе-знакомый.
Легко ложилась за строкой строка
В стенах отеческого дома.

Над прудом Савиной завис туман,
Древа укрылись лёгкой, сизой дымкой.
А дуб огромный, Спасский великан,
Вознёсся над извилистой тропинкой.

Ждёт Спасское который век подряд,
Из дальних странствий друга дорогого.
Жаль бубенцы дорожные молчат...
Зато звучит Тургеневское Слово!

Лариса Панина Моя Орловия

Город был под тёплым пледом:
Снег не ведал, что творил,
Малость присмирив к обеду,
Сыпал с неба что есть сил.

В парке шумное веселье –
«Фестиваль снеговиков»,
Для забав и рукоделья
Снег везли со всех дворов.

Путешествовать есть повод –
Манят прошлые века:
Старый Болхов – храмов город,
В Спасском – дом-музей, река.

Но древнее всех в округе
Славный Мценск, что сердцу мил.
Не смотря на дождь иль вьюгу,
Тишиной меня пленил.

А в Орёл вернувшись снова,
Окунулась в блеск огней.
Настроенья озорного
Хватит мне на много дней!

Вячеслав Силаев
Обнять всё это хочется

На землю на Орловскую
Гляжу, не наглажусь,
В ней – наша родословная,
Вся коренная Русь!

Природа чисто русская,
Взгляни по сторонам:
Ведут нас тропки узкие
К оврагам и холмам.

Повсюду кисти красные
Рябины с бузиной
Горят огнями ясными
Над зеленью лесной.

Берёзы вместе с ивами
То водят хоровод,
То стайкой лебединою
С холмов летят вперёд!

Стоят зарёй раскрашены
Селенья, города,
А в их церковных маковках
Спит чутко старина...

Звенит в садах и рощицах
Весёлый птичий хор...
Обнять всё это хочется,
Что дарит нам Любовь!

Тамара Нестерова Муму, живи!

Глянь! Небосвод из солнца соткан!
Взгляд затуманен... Почему?
Герасим плыл по речке в лодке.
А рядом лаяла Муму.

Ещё бы! Стрекоза-проныра
Трещала крыльями вовсю...
Поймать! Поймать! Не тут-то было!
Уже не видно стрекозу!

Ну что ж поделать! И собачка
Затихла, начала дремать.
А волны, как зайчата, скачут,
Стремясь друг друга обогнать...

Хозяин взял кирпич, верёвку,
И отчего-то сон пропал.
Герасим нежно гладил шёрстку,
«Муму!» – протяжно промычал.

Она к хозяину прижалась
Из всех своих собачьих сил!
В его глазах – любовь и жалость.
От горя губы он кривил.

Муму хозяина лизнула
Шершавым мокрым языком.
Верёвка из руки скользнула...
О дно ударил кулаком!

Пронёсся над рекой лавиной
Отчаянный ужасный крик!
Кирпич Герасим в воду кинул.
И... засияло сердце вмиг!

В нём больше не было сомнений!
А только радость! Только свет!
Кругов размашистые тени
На волнах оставляли след.

Герасим лодку, да и вёсла
Небрежно бросил на мели.
Муму на твёрдый берег нёс он,
Где колокольчики цвели.

Промок кафтан и в травы брошен!
А лай Муму звенит, звенит!
Душа... душа не плачет больше!
В ней счастье радугой блестит!

С тех пор Герасима с собакой
Видали люди за Москвой.
Прознав про то, всплакнув, однако,
Махнула барыня рукой.

Мол, ладно, раз уж так случилось.
Бывают в жизни чудеса!
Стрекозы над рекой резвились,
Нырря прямо в небеса!

Елена Кирьянова Ковыли

Рассыплет солнышко веснушки,
В пыльцу опять нырнут шмели,
Грибов покажутся макушки,
А по холмам и вдоль опушки
Волной заблещут ковыли!

Земля моя – святая мать,
Благословенна и щедра,
В цветной платок луга нарядит,
А ковылей седые пряди
Расчешут вольные ветра.

Когда-то тут гулял Тургенев,
И так же «грудь упоена
Блаженством безмятежной лени...»¹,
Я в эти травы, краски, тени,
Всем сердцем с детства влюблена...

¹ И. С. Тургенев «Деревня».

Роза Сидорова Храбрец воробей²

Мой путь лежал меж тополей,
Вдаль тропка змейкой уходила,
Был занят думою своей,
Она грусть мыслям наводила.

И, топая дорогой той,
Увидел воробья случайно,
Как будто принимал он бой
Своей осанкой очень важной.

А от меня в пяти шагах,
Забавно прыгая и бойко,
Сидели воробьи в кустах,
И мимо пролетела сойка.

Лишь воробей сидел бочком
И, выпятив свой зоб, чирикал,
Ему и чёрт был нипочём...
Хотя с небес он гибель кликал.

Храбриться он не уставал,
Себя сильнее всех считая.
Хоть был он мал, но всё ж удал,
И не нужна вдруг стала стая.

На воробья я всё глядел,
От умиленья рассмеялся,
Храбрец вдруг к стае подлетел –
От ястреба когтей он спасся.

За жизнь воюйте, чёрт возьми,
Живи, твори, дерзай, чирикай!..
Прочь думы грусти отмели
Мне воробьи природы дикой.

² По рассказу И. С. Тургенева «Мы ещё повоюем».

Дина Лабоцкая

Тургенев и Полина Виардо – союз духовности и любви

История любви каждого человека – есть точный слепок истории его отношений к миру вообще. Ни в чём так полно, радостно и светло не выражается душа человека, как в отношениях любви. Творчество и жизнь Тургенева пронизаны этим великим чувством. Тургенев неспроста верил в судьбу, в роковое стечение обстоятельств, которые однажды набегают на человека и разом круто меняют его жизнь.

1843 год оказался роковым в писательской и человеческой судьбе Тургенева. Это был год начала его литературного успеха, год знакомства с Белинским и одновременно встречи писателя с центральным светилом его жизни – молодой французской певицей Полиной Гарсия Виардо.

28 октября (9 ноября) 1843 года на сцене Петербургского театра идёт опера Россини «Севильский Цирюльник». Арию Розины исполняет 22-летняя звезда – Полина Гарсия Виардо, приехавшая в составе Парижско-Итальянской оперы. Дебют Полины в «Севильском цирюльнике» принёс ей ошеломляющий успех. Это было великое торжество искусства!

В тот день в зале был один человек, который отдал ей навсегда своё сердце и возвёл её в ранг божества. Любовью своею он увековечит имя её, сохранив для будущих поколений.

Имена Тургенева и Виардо сольются воедино и будут неотделимы друг от друга до тех пор, пока существует любовь и литература.

На момент приезда в Россию Полина Виардо была замужем за директором Парижско-Итальянской оперы Луи Виардо. Полина Гарсия Виардо родилась 18 июля 1821 года в семье знаменитых испанских певцов. Отец Полины Мануэль Гарсия – выдающийся тенор – блистал на музыкальном Олимпе. Мать – Хоакина Сичес Брионес – имела исключительные музыкальные данные. Старшая сестра – Мария Малибран – тоже была певицей.

С раннего детства Полина была окружена волшебными звуками музыки. Гениальность её дополнялась огромным трудолюбием. Обладая феноменальным по объёму и гибкости меццо-сопрано, Виардо была одарена и редким драматическим талантом. Она свободно говорила на шести языках, сочиняла музыку, неплохо рисовала.

Спустя некоторое время её посетил художник А. П. Боголюбов, и певица сказала ему очень важные слова для понимания её отношений с Тургеневым: «...мы слишком хорошо понимали друг друга, чтобы заботиться о том, что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил. Если русские дорожат именем Тургенева, то я с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Виардо никак его не умаляет...»

Хотя Виардо совершенно не походила на тургеневских девушек, которых воспевал в своих книгах её поклонник, Тургенев практически всегда советовался с музой-Полиной по поводу своего творчества. Да и сама Виардо, не стесняясь, утверждала: «Ни одно произведение Тургенева не попадало в печать, прежде чем он не показал его мне».

За несколько дней до кончины Тургенев завещал похоронить себя на Волковом кладбище в Петербурге. В последний путь из Франции в Россию его провожала не Полина Виардо, а её дочь Клоди, которую Тургенев особенно любил. Прощаться на вокзале в Париже и на похороны в Петербург придёт огромное количество людей, знавших и любивших Ивана Тургенева.

После смерти Тургенева Полина Виардо прожила ещё 27 лет. Она по-прежнему вела активный образ жизни, занимаясь педагогической деятельностью, давая уроки музыки. Только с того трагического дня 1883 года и до конца жизни она не снимала траура и писала письма на бумаге с траурной лентой в уголке.

Любовь Тургенева и Полины Виардо вызывала много разных толков и суждений. Но кто бы ни пытался поставить под сомнение продолжительность чувства, привязанность Тургенева к Полине Виардо, как бы ни старались принизить его или высмеять, ясно одно: эта любовь священна и проверена самой жизнью. Ему не удалось «свить гнездо», но судьба подарила Полине Виардо и Ивану Сергеевичу Тургеневу идеальную, роковую, страстную и необъяснимую разумом любовь.